

Амирханов Б.К.

**Понятие «доказывание» и его
соотношение с категорией
«познание» в уголовно-
процессуальной науке**

В настоящей статье рассматриваются существующие в уголовно-процессуальной науке подходы к определению понятия «доказывание» и его соотношения с категорией «познание». Исследование основано на имеющихся научных достижениях, которые подлежат критической оценке, с целью получения новых научных результатов. В исследовании используется формально-логический метод толкования норм уголовно-процессуального права. Предмет исследования рассматривается в развитии с использованием принципа единства анализа и синтеза. Полученные результаты способствуют совершенствованию уголовно-процессуального закона и механизма процесса доказывания с использованием негласных следственных действий.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, познание, негласные следственные действия, оперативно-розыскная деятельность.

Amirhanov B.K.

**The concept of «proof» and
its relation to the category of
«knowledge» in the criminal
procedure science**

This article discusses the existing criminal procedure science approaches to the definition of the concept of «proof» and its relation to the category of «knowledge.» The study is based on current scientific achievements, which are subject to critical evaluation, with the aim of gaining new scientific results. The study used the formal-logical method of interpretation of the rules of criminal procedure. The subject of study is considered in the development of using the principle of the unity of analysis and synthesis. These results contribute to the improvement of the law of criminal procedure and evidence of the mechanism of the process with the use of undercover investigations.

Key words: criminal procedure, evidence, knowledge; unspoken investigations; operatively-search activity.

Амирханов Б.К.

**Қылмыстық-процессуалдық
ғылымында «дәлелдеу»
ұғымының түсінігі мен оның
«таным» ұғымымен
арақатынасы**

Ұсынылған мақалада қылмыстық-процессуалдық ғылымының қолданыстағы «дәлелдеу» ұғымдарының тәсілдемелерін анықтау және оның «таным» ұғымымен арақатынасы қарастырылады. Зерттеу жаңа ғылыми нәтижелерге жету мақсатымен қолда бар ғылыми жетістіктерді сыни бағалаудың нәтижесінде негізделген. Зерттеуде қылмыстық іс жүргізу құқығының нормаларын түсіндіру үшін формалды-логикалық әдісі пайдаланылады. Бірлікті талдау және синтез қағидаларын пайдалану арқылы зерттеу пәнін дамыту қарастырылады. Алынған нәтижелер жасырын тергеу әрекеттерін пайдалану арқылы дәлелдеу процесі механизмін және қылмыстық-іс жүргізу заңының жетілдіруіне ықпал етеді.

Түйін сөздер: қылмыстық процесс, дәлелдеу, тану, жасырын тергеу әрекеттері, жедел-ізвестіру қызметі.

**ПОНЯТИЕ
«ДОКАЗЫВАНИЕ»
И ЕГО СООТНОШЕНИЕ
С КАТЕГОРИЕЙ
«ПОЗНАНИЕ»
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКЕ**

В науке уголовного процесса нет единой позиции в понимании «доказывания» и его структуре. Вместе с тем, исходя из позитивного подхода к определению уголовно-процессуального познания, доказывание включает в себя такие неотъемлемые элементы, как: собирание, исследование, оценка и использование доказательств.

Основная дискуссия в науке уголовного процесса относительно определения доказывания связана с его соотношением с понятием познания. В результате диспута ученых сформировалось несколько позиций по этому вопросу.

Первая отождествляет понятия «доказывание» и «познание». Остальные утверждают, что одно из этих понятий шире другого.

Отождествление понятий доказывание и познание в науке уголовного процесса представляется традиционным. Светило советской уголовно-процессуальной науки М.С. Строгович указывал, что «процесс доказывания и есть процесс познания» [1].

М.М. Михеенко, рассматривая уголовно-процессуальное доказывание как разновидность познавательной деятельности, утверждал о том, что «когда мы говорим о гносеологической сущности уголовно-процессуального доказывания как особой разновидности познания действительности, мы должны ставить знак равенства, идентичности между доказыванием и познанием» [2].

С.А. Шейфер, отстаивая традиционную позицию на основе анализа имеющихся в уголовно-процессуальной науке мнений, сформировал выводы о неправомерности противопоставления доказывания и уголовно-процессуального познания по различного рода основаниям, поскольку «доказывание не существует наряду с уголовно-процессуальным познанием; оно и есть познание обстоятельств дела, осуществляемое в особой процессуальной форме» [3].

Традиционная позиция основывается на философских учениях, определяющих ошибочным представление процесса достижения истины и ее доказательство абсолютно независимыми и не связанными между собой сферами [4]. Такая тенденция послужила основой для обоснования мнений ряда ученых-юристов (С.А. Шейфер, Р.В. Костенко и др.).

Одним из первых, от традиционного отождествления (доказывания и познания) отошел А.Р. Ратинов, определив понятие доказывания шире познания.

В своих размышлениях А.Р. Ратинов оперировал различием взглядов в юридической и философской литературе, в вопросах истинного и достоверного знания. В качестве ключевых аргументов автор выделяет познание в качестве истинного знания «для себя» и их трансформацию в достоверные знания «для всех».

В результате, он приходит к выводу, что «удостоверение, подтверждение, обоснование правильности каких-либо мыслей или решений при помощи доводов, аргументов, фактов и есть доказывание в широком смысле», именно «доказывание придает знаниям характер достоверности» и соответственно в «доказывании познание сопровождается специальной деятельностью, удостоверяющей правильность полученных знаний и принятых решений» [5; 6].

Таким образом, А.Р. Ратинов определил две стороны процесса установления истины: познавательную (добывание информации) и удостоверительную (подтверждение, документирование, удостоверение).

По утверждению Ю.К. Орлова, доказывание также не сводится только к познанию и включает в себя другие виды деятельности. По его мнению, доказывание состоит из таких аспектов (уровней), как: доказывание-познание; доказывание-удостоверение; доказывание-обоснование.

При определении «доказывание-познание» акцентируется внимание на том, что понятия доказывания и познания не совпадают, поскольку познание не всегда входит в процесс доказывания и его результаты могут носить лишь вспомогательный характер.

Разграничивая удостоверение и обоснование, автор ставит принципиальные различия между данными видами деятельности по задачам, характеру и субъектам. Так, удостоверению подлежит правильность фиксации полученной информации, а при обосновании доказывается ее истинность. Удостоверению подлежит каждое доказательство, а обоснование делается на основе их совокупности. И, наконец, обоснование может осуществлять не только субъект, осуществляющий удостоверение полученных доказательств, но и противоположная сторона процесса [7].

Подобный подход, на наш взгляд, представляется попыткой индивидуальной интерпретации процесса доказывания и его элемен-

тов: собирания, исследования, оценки и использования доказательств. При этом автор собирание доказательств совмещает с исследованием, а фиксацию выводит из структуры собирания. Недостатки такого подхода будут рассмотрены нами далее.

А.А. Давлетов, напротив, рассматривает доказывание лишь частью познания. «В структуре уголовно-процессуального познания, пишет он, надо различать доказывание». И далее автор резюмирует: «Уголовно-процессуальное познание складывается из двух частей – исследование доказательств и доказывания обстоятельств». При этом под исследованием доказательств им понимается «процесс познания средств, формирования аргументов доказывания – доказательств», а под доказыванием – производимую «по правилам логики деятельность органов судопроизводства по обоснованию обстоятельств дела (тезисов) при помощи доказательств (аргументов)» [8].

Сложно согласиться с доводом Е.А. Карякина, критикующего позицию А.А. Давлетова, состоящим в том, что «доказывание в аспекте обоснования определенного тезиса (например о виновности лица в совершении преступления) никак не может опередить по времени познавательную деятельность. Познание всегда предшествует доказыванию, невозможно в отсутствии определенных сведений, информации как результата познания обстоятельств дела осуществлять доказывание» [9].

Справедливости ради, в доводах А.А. Давлетова имеются пояснения, согласно которым подобные утверждения представляются неверными. Более того, А.А. Давлетов подчеркивает, что пока нет процесса познания средств, формирования аргументов, «доказывания быть не может, ибо нечем это делать» [8].

По нашему мнению, в позиции А.А. Давлетова действительно имеются недостатки, но они выражаются в ином.

Во-первых, в неудачной интерпретации позиции А.Р. Ратинова относительно познавательной и удостоверительной стороны процесса установления истины, в исследовании доказательств и доказывания обстоятельств. Недостаток такой трансформации заключается в том, что А.А. Давлетов сводит понятие доказывания к отдельным его элементам – оценке и использованию доказательств.

Во-вторых, в структуре уголовно-процессуального познания, где доказывание представлено в качестве отдельного элемента, отсут-

твует упоминание об обнаружении, закреплении и изъятии (собрание) доказательств.

Е.А. Карякин, придерживаясь противоположного подхода к пониманию доказывания и познания, утверждает, что «уголовно-процессуальное доказывание как более широкое понятие, наоборот, включает в свой состав познание по уголовному делу (уголовно-процессуальное познание)». Однако, далее им утверждается, что «результаты уголовно-процессуального познания» создают «основу для будущей доказательственной деятельности» [9, с. 40].

Таким образом, А.А. Давлетов и Е.А. Карякин, занимая противоположные позиции, в то же время определяют единый временной признак разграничения познания и доказывания.

Временной признак всегда появляется там, где гипертрофирует логическая сторона познания. Возможно, именно по этой причине А.А. Давлетов на самом деле не исключает обнаружение, закрепление и изъятие доказательств, а наоборот представляет исследование доказательств, в качестве собрания.

Такая гипотеза напрашивается благодаря суждениям Р.Г. Домбровского, полагавшего, что познание предшествует доказыванию, поскольку познавательный процесс выражается в собрании фактических данных, а доказывание в изложении результатов познания в итоговых решениях следователя (постановления о прекращении уголовного дела и обвинительном заключении) [10; 11; 12].

Справедливым по этому поводу является критика С.А. Шейфера, указывающая на беспомощность данной концепции в методологическом аспекте: «познание не предшествует обоснованию вывода, а включает его в себя», поскольку «при формировании конечных выводов» «на первый план выступает логический, обосновывающий элемент познания, в то время как на этапе собрания и проверки доказательств ведущую роль играет извлечение знаний», поэтому «было бы непростительной ошибкой считать, что в этот момент «доказывание-обоснование» отсутствует, ибо, как давно подмечено в философской науке, логическая категория «доказательство» не является чем-то внешним по отношению к познанию» [3, с. 20-21].

Р.В. Костенко, анализируя научную критику С.А. Шейфера, приходит к более обобщенным категориям: «обоснование выводов в процессе доказывания по уголовному делу имеет место при принятии решений на основании собранных, проверенных и оцененных доказательств» [13].

Не смотря на это, Р.В. Костенко игнорирует доводы С.А. Шейфера о том, что познание включает в себя и обоснование выводов, а следовательно оно имеет место не только при принятии решений.

В действительности, как указывает З.З. Зинатуллин, «процесс извлечения знаний есть в то же время и процесс их подтверждения, обоснования. Познавательная и удостоверительная стороны доказывания – не чередующиеся, а взаимодействующие элементы деятельности по собиранию доказательств» [14; 15].

Оценивая данные суждения, позволим высказать собственную точку зрения. Так, следователь, дознаватель, непосредственно в процессе проведения негласных следственных действий формирует способы их проверки, а также принимает меры к проведению иных действий, направленных на собрание, исследование, оценку и использование доказательств. Соответственно, обоснование выводов имеет место на протяжении всего процесса доказывания.

Например, при проведении негласной контролируемой поставки наркотических средств может сложиться ситуация, в ходе которой потребуются проведение негласного проникновения и (или) обследования места. Или наоборот, по результатам, полученным в ходе проведения негласного контроля почтовых и иных отправок, определять необходимость проведения негласной контролируемой поставки.

Кроме того, именно формирование выводов в процессе познания способствует эффективному решению задач уголовного судопроизводства. Возвращаясь к примеру проведения негласной контролируемой поставки, именно мыслительный процесс позволит определить порядок и тактику проведения неотложных следственных действий: задержания, осмотра, выемки, обыска, допроса подозреваемых и свидетелей.

В этой связи симпатизирует мнению А.Б. Соловьева, который определяет два аспекта в использовании доказательств: процессуальный и тактический.

Процессуальный аспект выражается в: принятии промежуточных процессуальных решений, включая решения о производстве следственных действий; проведений следственных действий, производство которых обусловлено необходимостью исследования ранее собранных по делу доказательств; принятии и обосновании итоговых процессуальных решений по расследуемому уголовному делу.

В тактическом плане доказательств используются при выдвижении и проверки версий, принятии различных тактических решений и, как важнейший элемент тактики производства допросов и очных ставок, где они предъявляются для получения полных, всесторонних и объективных показаний [16].

Это является верным, поскольку «в уголовном судопроизводстве доказывание начинается с живого созерцания, эмпирического, непосредственного восприятия фактов и первых сведений о них следователями и другим лицами, осуществляющими доказывание. Оно обогащается затем логическим, рациональным мышлением, позволяющим переработать информацию, проникнуть в сущность изучаемого явления, познать факты, образующие событие преступления, установить объективную истину. Основой этого процесса познания и критерием истины является практика» [17].

Возвращаясь к поддержке традиционной позиции тождества понятий доказывания и познания, а также обоснования непосредственной связи умственной и практической деятельности, обратимся еще к одному труду П.В. Копнина, в котором резюмируется: «Развитие познания предполагает непрерывное взаимодействие опыта, в частности экспериментов, и теоретического мышления, гипотезы. Больше того, сам эксперимент представляет собой конкретное сочетание абстрагирующей деятельности человеческого разума с живым, чувственным созерцанием. В процессе познания мы переходим от наблюдения, эксперимента к теоретическому рассуждению, а от него снова к опыту. Опыт и умозрение взаимопроникают, пронизывают друг друга на всем протяжении познания предмета...» [18].

В действительности, как полагал А.И. Трусов: «доказывание представляет собой последовательное чередование, взаимодействие тесно связанных между собой циклов, моментов практики и познания» и, следовательно «содержание такого процесса гораздо богаче, оно включает в сложном взаимодействии моменты как чувственного и рационального познания (умственной, логической деятельности), так и практической деятельности, практики (непосредственный и косвенный опыт) [19].

Такого же мнения придерживался и В.Д. Арсенев, утверждая, что «понятие процессуального доказывания включает в себя как чувственную и мыслительную, так и непосредственную практическую деятельность судебно-следственных органов» [20].

Л.Д. Кокорев, рассуждая о сущности доказывания с позиции прерогативы практической и мыслительной деятельности одной над другой или их равенстве, заключает: «в уголовном судопроизводстве истина устанавливается и посредством практической деятельности по собиранию доказательств и посредством логической, мыслительной деятельности, связанной с анализом доказательств» [17, с. 203].

Мы полагаем, что уголовно-процессуальное доказывание, как и любое познание, основано на практической деятельности, которая является результатом и последовательностью мыслительного процесса. По этой причине мы против современной моды «механизации» уголовного процесса путем исключения мыслительного процесса в упрощенных формах судопроизводства, где признание подозреваемого (обвиняемого) становится «царицей доказательств».

Практическая сторона уголовно-процессуального доказывания вызывает спор относительно опосредованного и непосредственного познания.

По мнению Ю.К. Якимовича, познание носит опосредованный характер. Такую позицию он обосновывает тем, что «опосредованный характер познания придает ему большую объективность. Более того, закон запрещает производить расследование лицу, которое непосредственно наблюдало процесс совершения преступления. В таком случае очевидец будет осуществлять функцию свидетеля, но он не может быть дознавателем, следователем, прокурором, судьей по этому делу» [21].

Нам сложно согласиться с таким обоснованием по целому ряду причин.

Во-первых, необходимо различать ситуации, при которых следователь, дознаватель могли стать очевидцами преступления. Оперативно-розыскная деятельность строится по двум направлениям. Первое связано с совершенным преступлением, требующим определения и поиск подозреваемого. Второе состоит в оперативной разработке субъекта (субъектов), собирающегося совершить преступление.

Таким образом, в ходе проведения оперативно-тактической операции по задержанию подозреваемого, например, при сбыте наркотических средств, следователь (дознаватель) становится очевидцем преступления, но при этом осуществляет целый комплекс неотложных следственных действий (задержание, личный обыск, осмотр места происшествия, допросы).

Следует учесть, что цель его участия в такой ситуации, наоборот, состоит в обеспечении всесторонности, объективности и полноты досудебного расследования.

Во-вторых, следователь, дознаватель, могут быть допрошены судьей в качестве свидетеля по указанным и иным обстоятельствам уголовного дела, включая разъяснение причин отказа в удовлетворении ходатайств представленных стороной защиты, в ходе досудебного расследования.

Рассуждая о возможности непосредственного познания, Е.А. Карякин допускает его существование в рамках вещественных доказательств и при проведении специальных процессуальных действий, направленных на обнаружение тех или иных предметов, сведений. Вещественные доказательства сохраняют свои свойства и доступны к непосредственному восприятию. В целом, он приходит к заключению, что «непосредственное познание ... возможно, хотя сфера его применения ограничена» [9, с. 47-48].

М.М. Михеенко не отрицает возможности непосредственного познания отдельных доказательственных фактов следователем и судом, которое сопровождается мышлением, происходит в предусмотренных законом следственных и судебных действиях и находит отражение в протоколах этих действий. Однако, установление истины по делу возможно только путем опосредованным познанием [2].

Нельзя не согласиться и с мнением Е.А. Доля, рассматривающим непосредственное восприятие в основе таких видов доказательств, как заключение эксперта, иных документов, протоколов следственных и судебных действий. Чувственное познание, по его мнению, формируется в сознании следователя и судьи, когда они, собирая доказательства, производят, например, осмотр предметов, служивших орудиями совершения преступления, и непосредственно своими органами чувств воспринимают их свойства и состояния, относимые к делу, и на основе полученных чувственных данных создают образы этих предметов [22].

3.3. Зинатуллин опровержение такого подхода обосновывает концепцией «прямого усмотрения истины непосредственного знания без последующего доказательства», указывая на то, что подобные случаи могут быть восприняты «как последствия преступления или продукты преступного посягательства только лишь путем допроса потерпевшего, свидетеля, осмотра, освидетельствования и других процессуальных актов» [14, с. 14; 15, с. 15].

Подобное мнение является не совсем верным, поскольку ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы (ч. 2 ст. 25 УПК РК). Кроме этого, показания свидетеля не всегда могут иметь место прямого доказательства.

Л.Д. Кокорев, напротив, указывает, что «доказывание в уголовном судопроизводстве – это не только опосредованное, но и непосредственное познание. Последнее возможно в отношении отдельных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу: последствий совершения преступления, места совершения преступления, орудий и средств, при помощи которых совершено преступление, и некоторых других обстоятельств [17, с. 199-200].

Разумеется, «в процессе познания люди воспринимают мир опосредствованно, через предметно-практическую деятельность» [23], но вместе с тем нельзя исключать из этого процесса непосредственное восприятие.

Интерес представляют рассуждения Ю.В. Астафьева о доказывании в качестве доминирующего элемента познания: «Объект уголовно-процессуального познания, – пишет он, – гораздо шире объекта уголовно-процессуального доказывания в связи с тем, что познание направлено на установление истины по уголовному делу во всем многообразии ее юридически значимых проявлений, а доказывание предполагает строго определенное обоснование виновности конкретного лица в конкретном деянии». Далее, в основе его тезиса отмечается тот факт, что «уголовно-процессуальное познание выходит за рамки уголовного процесса, в то время как уголовно-процессуальное доказывание в своей основе (предмет, методы и т.д.) ограничено процессом» [24].

По мнению М.М. Михеенко: «непроцессуальная познавательная деятельность, предшествующая или сопровождающая уголовно-процессуальное доказывание, не имеет правового значения, поскольку выходит за рамки уголовного процесса» [2].

Если рассматривать этот тезис с позиции криминалистического познания и процессуального доказывания, то в таком случае мы солидарны с мнением М.М. Михеенко, критикующего доводы Р.Г. Домбровского, поскольку криминалистическая деятельность не урегулирована нормами права [2, с. 8-9].

Однако, если рассматривать этот вопрос в условиях оперативно-розыскной деятельности, то следует учитывать ее жесткое нормативное правовое обеспечение.

Нами также не приветствуется категоричность А.А. Хмырова о том, что сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности, лишены надежной гарантии достоверности, имеют лишь вспомогательное значение и не могут служить основанием для выводов по делу [25].

Оперативно-розыскные мероприятия, как и следственные действия, имеют установленную законом форму и обеспечены конституционными и уголовно-процессуальными гарантиями.

Таковыми гарантиями выступают:

– возможность ограничения конституционных прав граждан исключительно с санкции прокурора;

– строгое соблюдение требований Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности»;

– результаты оперативно-розыскной деятельности, как и результаты следственных и иных процессуальных действий, подлежат перепроверке с помощью других следственных действий.

Более того, материалы, в которых зафиксированы фактические данные о противоправных действиях, полученные с соблюдением требований Закона Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности», являются документами и могут использоваться в уголовном процессе в качестве доказательств (ч. 2 ст. 120 УПК РК).

Таким образом, результаты оперативно-розыскной деятельности признаются уголовно-процессуальным законом источником доказательств.

Это и есть отличительная черта процессуального познания – «правовая регламентация процесса познания и возможности использования тех или иных средств в качестве доказательств истинности выводов» [17, с. 202].

В то же время, регламентация следственных и иных процессуальных действий непосредственно в уголовно-процессуальном законе, «имея несомненную ценность в познавательном плане, может не иметь ценности в плане процессуальном, как, к примеру, доказательства, признаны судом недопустимыми» [9, с. 40].

С.А. Шейфер, рассуждая об использовании наряду с доказательствами результатов оперативно-розыскных мероприятий, подразумевает обыденное познание, осуществляемое в связи с производством по уголовному делу. Соответственно, «такое познание лежит за пределами уголовного процесса и не может считаться уголовно-процессуальным» [3, с. 23-24].

С таким доводом тоже сложно согласиться. Так, при производстве по уголовному делу оперативным путем было установлено, что подозреваемый И., содержащейся под стражей, незаконно хранил наркотические средства в крупном размере на территории участка, на котором проживал его знакомый. Последний не знал об этом, поскольку подозреваемый И. сделал тайник в его отсутствие.

Результаты оперативно-розыскных мероприятий позволили следователю собрать доказательства, необходимые для привлечения подозреваемого И. к уголовной ответственности.

Другим примером служат специальные оперативно-розыскные мероприятия. Так, в ходе осуществления контроля почтово-телеграфных отправок гражданина А. были получены доказательства, указывающие его причастность к совершению особо тяжкого преступления. Полученные доказательства в последующем были приобщены к материалам уголовного дела.

В соответствии со статьей 14 Закона РК от 15 сентября 1994 года № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности», материалы, полученные в процессе оперативно-розыскной деятельности, используются в процессе доказывания по уголовным делам при условии их проверки в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, регламентирующих сбор, исследование и оценку доказательств.

Процессуальная сторона оперативно-розыскной деятельности также выражается в полномочиях органа дознания и дознавателя, а именно в осуществлении уголовно-процессуальных и розыскных мероприятий (ст. 61 и ст. 63 УПК РК).

Верным считается позиция А.Г. Кана, определяющая доказывание специфичным видом познавательной деятельности, характеризующейся регламентированной законом процедурой, предусматривающей порядок и условия получения фактических данных, имеющих значение для уголовного дела [26].

Исходя из такого подхода, оперативно-розыскная деятельность соответствует всем признакам доказывания.

Д.И. Бедняков, сопоставляя мыслительную деятельность, в качестве аспекта уголовно-процессуальной деятельности по формированию выводного знания на основе достоверных суждений, обосновано указывает на то, что оперативно-розыскная деятельность и доказыва-

ние осуществляются по одним и тем же законам формальной логики и здесь между ними нет сколько-нибудь существенных отличий. Кроме того, «целью доказывания является установление объективной истины, которая складывается в результате ответа на вопрос о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию» [27].

Оперативно-розыскная деятельность не существует и не может существовать за пределами предмета доказывания. Нормативное правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности вне кодифицированного уголовно-процессуального закона связано с негласным осуществлением оперативно-розыскных мероприятий и началом производства по уголовному делу. В то же время нельзя отрицать закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в качестве нормативного правового источника уголовно-процессуального права.

Конечно, М.С. Строгович прав, указывая на то, что познание в уголовном процессе «направлено на достижение истины, и процессуальные формы содействуют обнаружению истины и предотвращают от возможного заблуждения, от ошибок». Далее: «процессуальные гарантии, установленный законом порядок расследования и судебного разбирательства дела, процессуальные права, предоставленные законом участниками процесса, – все это служит цели обнаружения истины по делу, достижению вполне достоверных результатов, устранению неверных, необоснованных, сомнительных утверждений и выводов» [1, с. 297-298].

Бесспорно, процессуальная форма является основой достижения истины по уголовному делу. Например, «в математике дело обстоит так. Пусть имеется ряд аксиом, из которых выводятся теоремы. В истинности аксиом мы не сомневаемся, что же касается теорем, то теорема (утверждение, предложение) считается доказанной, или истинной, если она выведена из аксиомы по точным правилам логического вывода» [23, с. 288].

Говоря о достоверном и вероятном, следует понимать, что «вероятные знания не были бы знаниями, если бы они не содержали элементов достоверного, если бы они не основывались на достоверных знаниях». И, «то же самое можно сказать и о достоверности. Нет абсолютно достоверных знаний, не содержащих в себе знания вероятные (если они не представляют собой истины факта или слишком общее суждение). Каждое достоверное, т.е. истинное знание со-

держит в себе элементы не только заблуждения, но и вероятного знания» [29].

По этой причине «процессуальная форма призвана обеспечить наиболее эффективный, оптимальный путь познания в уголовном судопроизводстве. С учетом потребностей практики и научных исследований процессуальная форма постоянно развивается, совершенствуясь тем самым и процесс познания фактов, установление объективной истины» [17, с. 202].

В советский период, фактически, само словосочетание «оперативно-розыскная деятельность» имело секретный характер. В постсоветский период эта деятельность впервые получила нормативную правовую регламентацию в форме закона, который определил содержание оперативно-розыскной работы и закрепил систему правовых гарантий законности при ее проведении. В настоящее время оперативно-розыскные мероприятия приобрели процессуальную форму непосредственно в кодифицированном уголовно-процессуальном законе (негласные следственные действия).

Негласные следственные действия являются способом получения доказательств наравне с традиционными следственными действиями. Так, в соответствии со статьей 232 УПК РК, негласные следственные действия производятся, если для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, сведения о фактах необходимо получить, не информируя вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересы которых они затрагивают.

Итогом интеграции оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс, на наш взгляд, должно стать упразднение Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности», что приведет к прозрачности полицейской работы и максимальному обеспечению прав и законных интересов граждан Казахстана. В этих целях проведение негласных следственных действий станет возможным до начала производства по уголовному делу.

Верно утверждение Ю.В. Астафьева о том, что «оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная практика неразрывно связаны с друг другом, особенно в контексте истинности собираемой, проверяемой и оцениваемой информации. В свою очередь, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное познание настолько переплетены, что часто элементы одного обусловлены элементами другого» [30].

Поэтому не стоит разводить оперативно-розыскную «и уголовно-процессуальную деятельность по разным углам» [31]. Оперативно-розы-

ское познание, – как указывает В.Ф. Робозеров, – по праву следует «считать одной из составных частей процесса доказывания» [32].

Таким образом, разделение доказывания на уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное является условным и, следовательно, ошибочно предполагать, что оперативно-розыскная деятельность находится за пределами уголовно-процессуального доказывания, она является его неотъемлемой частью.

Суть проблемы состоит в нормативном правовом акте, регламентирующем условия и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, однако цель уголовно-процессуального и оперативно-розыскного доказывания является единой.

Как справедливо указывает Г.Т. Оспанова, доказывание представляет собой «деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц при содействии других участников процесса по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для полного, всестороннего и объективного исследования по уголовному делу» [33].

На основании изложенного автор приходит к следующим выводам:

1. Уголовно-процессуальное доказывание (познание) представляет собой мыслительную деятельность, основанную на опосредованном и непосредственном получении и закреплении знаний, их исследовании, оценке и использовании в судопроизводстве, в соответствии с установленной процессуальной формой, для достижения истины по уголовному делу.

Элементы уголовно-процессуального доказывания находятся в тесной взаимосвязи, взаимообусловлены и представляют единый процесс познания по уголовному делу.

2. Оперативно-розыскная деятельность, имея установленную законом форму, обеспеченную конституционными и уголовно-процессуальными гарантиями, направленная на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, с целью достижения истины по уголовному делу, является неотъемлемой частью уголовно-процессуального познания.

3. Негласные следственные действия являются эффективным способом формирования доказательств и занимают важное место в системе уголовно-процессуального доказывания. В сравнении с оперативно-розыскными действиями, негласные следственные действия носят процессуальный характер и создают дополнительные гарантии объективности в исследовании полученной информации и ее проверки без искажений, которые возможны при трансформации материалов оперативно-розыскной деятельности в процессуальные доказательства.

Итогом интеграции оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс представляется упразднение Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности» и предоставление возможности проведения негласных следственных действий до начала производства по уголовному делу. Такое нововведение введет к прозрачности полицейской работы и максимальному обеспечению прав и законных интересов человека и гражданина.

Литература

- 1 Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. – М., 1968. – С. 296.
- 2 Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве: монография. – Киев, 1984. – С. 8.
- 3 Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – С. 36.
- 4 Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. – М., 1974. – С. 159.
- 5 Ратинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. – 1964. – № 8. – С. 106-113 // <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1171595>;
- 6 Теория доказательств в советском уголовном процессе: монография / отв. редактор Н.В. Жогин. – изд. 2-е исправленное и дополненное. – М.: «Юрид. лит.», 1973. – С. 288-289.
- 7 Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: научно-практическое пособие. – М.: «Прспект», 2001. – С. 13-15.
- 8 Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 145.
- 9 Карякин Е.А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики / под науч. ред. А.П. Гуськовой. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. – С. 39.
- 10 Домбровский Р.Г. Соотношение познания и доказывания в судебном исследовании. – Ученые записки Латвийского государственного университета. Т. 241. Вопросы борьбы с преступностью. – Рига, 1975. – Вып. 11. – С. 166-175.

- 11 Домбровский Р.Г. Логика и теория доказательств // Оптимизация расследования преступлений. – Иркутск, 1982. – С. 18.
- 12 Домбровский Р.Г. Криминалистическое познание как форма практической деятельности // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. – Калининград, 1982. – С. 85.
- 13 Костенко Р.В. Оценка уголовно-процессуальных доказательств: монография. – М., 2010. – С. 11.
- 14 Зинатуллин З.З. Избранные труды в 2 томах. Том II. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2012. – С. 13 // Издательский текст http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11197586;
- 15 Зинатуллин З.З., Егорова Т.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы: монография. – Ижевск: Детектив-Информ, 2002. – С. 13.
- 16 Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России. – М., 2002. – С. 14-15.
- 17 Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. – Воронеж, 1978. – С. 198-199.
- 18 Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания: опыт логико-гносеологического исследования. – М., 1973. – С. 258.
- 19 Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств (краткий очерк). – М.: Госюриздат, 1960. – С. 83-84.
- 20 Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1964. – С. 13.
- 21 Якимович Ю.К. Доказательство и доказывание в уголовном процессе России. – Томск: Издательство Томского университета, 2015. – С. 3-4
- 22 Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М.: Издательство «СПАРК», 1996. – С. 37.
- 23 Философия. Основные идеи и принципы. / А.И. Ракитов, В.М. Богуславский, В.Е. Чертихин, Г.И. Эзрин. – М.: Политиздат, 1985. – С. 286.
- 24 Астафьев Ю.В. Структура уголовно-процессуального познания (Процессуальный и непроцессуальный аспект) // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. – № 2. – С. 164-165.
- 25 Хмыров А.А. Косвенные доказательства. – М.: Юридическая литература, 1979. – С. 4.
- 26 Кан А.Г. Допрос в досудебном расследовании уголовного дела: учебное пособие / А.Г. Кан. – Изд. второе, исп. и доп. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – С. 149.
- 27 Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – М.: «Юридическая литература», 1991. – С. 82.
- 28 Философия. Основные идеи и принципы. / А.И. Ракитов, В.М. Богуславский, В.Е. Чертихин, Г.И. Эзрин. – М.: Политиздат, 1985. – С. 288.
- 29 Андреев И.Д. Диалектическая логика. – М., 1985. – С. 268.
- 30 Астафьев Ю.В. Установление истины по уголовному делу оперативно-розыскными средствами // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В.А. Панюшкина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – С. 505.
- 31 Поляков М.П., Попов А.П., Попов Н.М. Уголовно-процессуальное использование результатов оперативно-розыскной деятельности: проблемы теории и практики: монография. – М. -Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 5. // <http://www.litres.ru/mihail-polyakov/ugolovno-processualnoe-ispolzovanie-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti/>
- 32 Робозеров В.Ф. Оперативно-розыскная информация в системе судебного доказывания // Правоведение. – 1978. – № 6. – С. 106-108.
- 33 Оспанова Г.Т. Процесс доказывания и его элементы // Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Движение уголовного дела. / под ред. д.ю.н., профессора М.Ч. Когамова и к.ю.н., доцента А.А. Касимова. – Алматы: «Жеті Жарғы», 2013. – С. 234.
- 34 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>

References

- 1 Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. Tom 1: Osnovnye polo-zhenija nauki sovetskogo ugovolnogo processa. – М., 1968. – S. 296.
- 2 Miheenko M.M. Dokazyvanie v sovetskom ugovolnom sudoproizvodstve. Mo-nografija. – Kiev, 1984. – S. 8.
- 3 Shejfer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovanija: monografija. 2-e izd., ispr. i dop. – М.: Norma: INFRA-M, 2014. – S. 36.
- 4 Koptin P.V. Gnoseologicheskie i logicheskie osnovy nauki. – М., 1974. – S. 159.
- 5 Ratinov A.R. Voprosy poznaniya v sudebnom dokazyvanii // Sovetskoe go-sudarstvo i pravo. – 1964. – № 8. – S. 106-113 // <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1171595>;
- 6 Teorija dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom processe: monografija. Otv. redaktor N.V. Zhogin, izd. 2-e ispravlennoe i dopolnennoe. -M.: «Jurid. lit.», 1973. – S. 288-289.
- 7 Orlov Ju.K. Osnovy teorii dokazatel'stv v ugovolnom processe. Nauchno-prakticheskoe posobie. – М.: «Prospekt», 2001. – S. 13-15.
- 8 Davletov A.A. Osnovy ugovolno-processual'nogo poznaniya. – Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. – S. 145.

- 9 Karjakin E.A. Formirovanie istinnosti prigovora v sostjazatel'nom sudeb-nom proizvodstve: voprosy teorii i praktiki / Pod nauch. red. A.P. Gus'kovej. – M.: Izdatel'stvo «Jurlitinform», 2007. – S. 39.
- 10 Dombrovskij R.G. Sootnoshenie poznanija i dokazyvanija v sudebnom issle-dovanii. – Uchenye zapiski Latvijskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 241. Voprosy bor'by s prestupnost'ju. – Riga, 1975. – Vyp. 11. – S. 166-175.
- 11 Dombrovskij R.G. Logika i teorija dokazatel'stv // Optimizacija rassledova-nija prestuplenij. – Irkutsk, 1982. – S. 18.
- 12 Dombrovskij R.G. Kriminalisticheskoe poznanie kak forma prakticheskoj dejatel'nosti // Voprosy osushhestvlenija pravosu-dija po ugovolnym delam. – Kaliningrad, 1982. – S. 85.
- 13 Kostenko R.V. Ocenka ugovolno-processual'nyh dokazatel'stv: monografija. – M., 2010. – S. 11.
- 14 Zinatullin Z.Z. Izbrannye trudy v 2 tomah. Tom II. – SPb.: Izdatel'stvo «Juridicheskij centr-Press», 2012. – S. 13 // Izdatel'skij tekst http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11197586;
- 15 Zinatullin Z.Z., Egorova T.Z., Zinatullin T.Z. Ugolovno-processual'noe dokazyvanie: Konceptual'nye osnovy: Monografi-ja. – Izhevsk: Detektiv-Inform, 2002. – S. 13.
- 16 Solov'ev A.B. Dokazyvanie v dosudebnyh stadijah ugovolnogo processa Ros-sii. – M., 2002. – S. 14-15.
- 17 Gorskij G.F., Kokorev L.D., Jel'kind P.S. Problemy dokazatel'stv v sovets-kom ugovolnom processe. – Voronezh, 1978. – S. 198-199.
- 18 Kopnin P.V. Dialektika kak logika i teorija poznanija: opyt logiko-gnose-ologicheskogo issledovanija. – M., 1973. – S. 258.
- 19 Trusov A.I. Osnovy teorii sudebnyh dokazatel'stv (kratkij ocherk). – M., Go-sjurizdat, 1960. – S. 83-84.
- 20 Arsen'ev V.D. Voprosy obshhej teorii sudebnyh dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom processe. – M., 1964. – S. 13.
- 21 Jakimovich Ju.K. Dokazatel'stvo i dokazyvanie v ugovolnom processe Rossii. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2015. – S. 3-4
- 22 Dolja E.A. Ispol'zovanie v dokazyvanii rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti. – M.: Izdatel'stvo «SPARK», 1996. – S. 37.
- 23 Filosofija. Osnovnye idei i principy. / A.I. Rakitov, V.M. Boguslavskij, V.E. Chertihin, G.I. Jezrin. – M.: Politizdat, 1985. – S. 286.
- 24 Astaf'ev Ju.V. Struktura ugovolno-processual'nogo poznanija (Processual'-nyj i neprocessual'nyj aspekt) // Vestnik VGU. Serija Gumanitarnye nauki. 2005. – № 2. – S. 164-165.
- 25 Hmyrov A.A. Kosvennye dokazatel'stva. – M.: Juridicheskaja literatura, 1979. – S. 4.
- 26 Kan A.G. Dopros v dosudebnom rassledovanii ugovolnogo dela: uchebnoe poso-bie / A.G. Kan. – Izd. vtoroe, isp. i dop. – Almaty: Kazak universiteti, 2015. – S. 149.
- 27 Bednjakov D.I. Neprocessual'naja informacija i rassledovanie prestuplenij. – M.: «Juridicheskaja literatura», 1991. – S. 82.
- 28 Filosofija. Osnovnye idei i principy. / A.I. Rakitov, V.M. Boguslavskij, V.E. Chertihin, G.I. Jezrin. – M.: Politizdat, 1985. – S. 288.
- 29 Andreev I.D. Dialekticheskaja logika. – M., 1985. – S. 268.
- 30 Astaf'ev Ju.V. Ustanovlenie istiny po ugovolnomu delu operativno-rozysk-nymi sredstvami // Problemy teorii i praktiki ugovolnogo processa: istorija i sovremen-nost' / pod red. V.A. Panjushkina. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2006. – S. 505.
- 31 Poljakov M.P., Popov A.P., Popov N.M. Ugolovno-processual'noe ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti: problemy teorii i praktiki. Mo-nografija. – M. -Berlin: Direkt-Media, 2015. – S. 5. // <http://www.litres.ru/mihail-polyakov/ugolovno-processualnoe-ispolzovanie-rezultatov-operativno-rozysknoj-deyatelnosti/>
- 32 Robozerov V.F. Operativno-rozysknaja informacija v sisteme sudebnogo dokazyvanija. – Pravovedenie. 1978. – № 6. – S. 106-108.
- 33 Ospanova G.T. Process dokazyvanija i ego jelementy // Ugolovno-proces-sual'noe pravo Respubliki Kazahstan. Dvizhenie ugovolnogo dela. / Pod red. d.ju.n., profes-sora M.Ch. Kogamova i k.ju.n., docenta A.A. Kasimova. – Almaty: «Zheti Zharfy», 2013. – S. 234
- 34 Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 04 ijulja 2014 goda // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K140000231>